

Д. МЕРЕЖКОВСКІЙ
Б Л А Ж Е Н С Т В А

I.

“Блаженны нищіе духомъ”...
Небо нагорное сине;
Верески смольнымъ духомъ
Дышать въ блаженной пустынь.
Бѣдные люди смиренны;
Слушаютъ, не разумѣя,
Кто это, сердце не спросить.
Вѣтеръ съ холмовъ Галилеи
Пухъ одуванчиковъ носить.
“Блаженны нищіе духомъ”...
Кто это, люди не знаютъ,
Но одуванчики пухомъ
Ноги Ему осыпаютъ.

II.

Если четыре, отъ четырехъ Евангелій на лицо Иисуса падающихъ свѣта нами угаданы вѣрно: въ I-омъ Евангеліи — слово Его, во II-омъ — дѣло, въ III-емъ — чувство, въ IV-омъ — воля, то чего Иисусъ х о ч е т ъ, — претворить воду въ вино, законъ въ свободу; у Луки, въ Назаретѣ, то, что Иисусъ ч у в с т в у е т ъ — въ едва не удавшейся попыткѣ Назареевъ убить Его, свергнувъ съ горы, — необходимость смерти Голгоѣской: у Марка, въ Капернаумѣ, то, что Иисусъ д ѣ л а е т ъ, — явленіе “силы”, отъ Него исходящей,

---

въ исцѣленіи больныхъ; а у Матѳея, на горѣ Блаженствъ, то, что Иисусъ г о в о р и т ь, — Блаженная вѣсть о царствѣ Божіемъ.

Кана Галилейская, Назаретъ, Капернаумъ, Гора Блаженствъ, — можетъ быть, вовсе не четыре первыхъ дня Господня, а одинъ, только разнo понятый и увидѣнный, подъ четырьмя свѣтами: у Матѳея — утреннимъ, у Марка — полуденнымъ, у Луки — вечернимъ, у Иоанна — ночнымъ, звѣзднымъ.

Кажется, у одного Марка дана исторія, въ личномъ воспоминаніи Петра, очевидца, о Капернаумской субботѣ, а у остальныхъ трехъ евангелистовъ — исторія, смѣшанная съ тѣмъ, въ чемъ непосвященные, невѣрующіе, видятъ только “легенду”, “апокрифъ”, а вѣрующіе, посвященные, узнаютъ мистерію — религіозный опытъ, внутренній, не менѣе дѣйствительный, чѣмъ опытъ внѣшній, историческій, ибо то, что было, есть и будетъ въ вѣчности, не менѣе дѣйствительно, чѣмъ то, что было однажды во времени.

Если въ трехъ свидѣтельствахъ — Иоанна, Луки, Марка — исторія съ мистеріей сплавлена на огняхъ разной степени жара, съ разной степенью крѣпости, то крѣпчайшій и нерасторжимѣйшій сплавъ ихъ данъ у Матѳея. Очень вѣроятно, что та самая проповѣдь, которую мы называемъ Нагорною, дѣйствительно произнесена была Иисусомъ, въ первый или одинъ изъ первыхъ дней служенія, и сохранилась, съ большей или меньшей степенью точности, въ памяти ближайшихъ къ Нему учениковъ: вотъ и с т о р і я. Но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что Б л а ж е н с т в а — главное для насъ, такъ же какъ для самого Иисуса, въ этой проповѣди, — суть подлиннѣйшій и внутреннѣйшій опытъ Его: вотъ м и с т е р і я. Эти - то два металла и сплавлены Матѳеемъ на огнѣ жарчайшемъ, въ крѣпчайшій сплавъ, такъ что они уже не два, а одно: то, что было однажды во времени, — Исторія, есть и то, что было и будетъ въ вѣчности, — Мистерія: первый день Господень — уже наступившее царство Божіе.

III.

Слѣдовало за Нимъ множество народа изъ Галилеи, и Десятиградія, и Иерусалима, и Иудеи, и изъ - за Иордана.

Увидѣвъ же народъ, Онъ взошелъ на гору (Мт. 4,25; 5,1).

Если это свидѣтельство Матѳея относится къ первому дню или

вообще къ первымъ днямъ служенія Господня, то очень вѣроятно, что такое множество народа, слѣдующаго за только - что начавшимъ проповѣдь и вчера еще никому неизвѣстнымъ рабби Іешуа, есть преувеличеніе обобщающей и сокращающей стилизации, — не исторія, а мистерія. Очень вѣроятно также, что и въ свидѣтельствѣ Луки, относящемъ Нагорную проповѣдь уже къ позднѣйшимъ днямъ — къ избранію Двѣнадцати, — такое же преувеличеніе.

...На гору взошелъ Онъ помолиться въ тѣ дни, и пробылъ всю ночь въ молитвѣ къ Богу.

Когда же насталъ день, призвалъ учениковъ Своихъ и избралъ изъ нихъ двѣнадцать, наименовавъ ихъ Апостолами...

И сошедши съ ними (съ горы), сталъ на ровномъ мѣстѣ, и множество учениковъ Его, было съ Нимъ и много народа изъ всей Іудеи, и Іерусалима, и приморскихъ мѣстъ, Тирскихъ и Сидонскихъ, которые пришли послушать Его и исцѣлиться отъ болѣзней своихъ, также и страждущіе отъ нечистыхъ духовъ; и всѣ исцѣлялись.

И весь народъ искалъ прикасаться къ Нему, потому что отъ Него исходила сила, и исцѣляла всѣхъ (Лк. 6,12-13, 17-19).

Судя по свидѣтельству Марка о Капернаумскомъ бѣгствѣ Іисуса послѣ перваго дня служенія: “нашедши Его, говорятъ Ему: всѣ ищутъ Тебя” (1, 25-27), и о такихъ же, во всѣ дни служенія повторяющихся, бѣгствахъ: “находился внѣ, въ мѣстахъ пустынныхъ, и приходили къ Нему отовсюду” (1,45), — судя по этому свидѣтельству, народъ, ищущій Господа, и въ этотъ день Нагорной проповѣди, идетъ къ Нему на гору, а Онъ, послѣ ночной молитвы, должно быть, по восхожденіи солнца, сходитъ къ народу съ горы и встрѣчается съ нимъ “на ровномъ мѣстѣ”, ἐπὶ τόπου πεδινῶν (Лк. 6, 17), вѣроятно, на горной площади или плоскомъ выступѣ горы, гдѣ собираются вокругъ Него не тысячныя толпы со всей Палестины, какъ въ преувеличеніи Матѳея и Луки, а лишь немногія сотни Капернаумскихъ жителей.

IV.

Время года, кажется, ранняя весна, конецъ Марта, начало Апрелья; мѣсто — надъ Капернаумскимъ Семиключьемъ, на гор-

---

ныхъ высотахъ къ сѣверо - западу отъ Геннисаретскаго озера. Тамошніе жители помнятъ до нашихъ дней три стоявшихъ на одной изъ этихъ высотъ, теперь уже срубленныхъ, дерева — два теребинта и одинъ ююбъ (jujube). Судя по ихъ арабскому имени el-mebarakat, “Благословенныя”, “Блаженныя”, а также по слову, тоже арабскому, der makir, вѣроятно, отъ греческаго μακκρισμός, Блаженство, уцѣлѣвшему на одной изъ найденныхъ здѣсь, циклопическихъ глыбъ, должно быть, отъ развалинъ очень древней базилики, — судя по этимъ двумъ признакамъ, древнѣйшее преданіе искало горы Блаженствъ въ этихъ мѣстахъ.

Здѣсь, въ горной пустынѣ, между темныхъ базальтовыхъ скалъ, стелются блѣдые луга асфоделей, смерти безсмертныхъ цвѣтовъ; зыблются надъ ними на высокихъ стебляхъ, въ чьей древесинѣ скрытъ похищенный съ неба огонь Прометей, огненно - желтые зонтики ферулы (ferula); рдѣютъ анемоны брызнувшими каплями крови по темной зелени вересковъ, тѣ же, что нѣкогда рдѣли у ногъ Пастушка Назаретскаго, и великолѣпный гладіоль, *gladiolus atroviolaceus*, ярко - красный и черно - фіолетовый, можетъ быть, евангельская “лилія”, κρίνον, арамейская schoschanna напоминаетъ пурпуръ царей:

Посмотрите на лиліи, какъ онѣ растутъ: не трудятся, не прядутъ; но, говорю вамъ, что и Соломонъ, въ славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ (Мт. 6, 28-29).

Въ воздухѣ, болѣе рѣдкомъ и свѣжемъ на этихъ горныхъ высотахъ, чѣмъ въ душной котловинѣ озера, тянущей съ горъ холодокъ, и запахъ утренней гари въ туманѣ, и углубляющее тишину, невидимыхъ въ небѣ жаворонковъ пѣнье, и кукованіе кукушки, сладко - унылое, какъ на чужбинѣ память о родинѣ, — здѣсь все могло напоминать Иисусу родные холмы Назарета.

Солнце уже всходило изъ за голыхъ и рдяныхъ, какъ раскаленное желѣзо, вершинъ Галаада, а озеро, все еще тѣнистое, въ глубокой, между горъ, котловинѣ, спало, какъ дитя въ колыбели. Небо и горы отражались въ зеркалѣ водъ, съ такою четкостью, что, если долго смотрѣть на нихъ, то казались тѣ, отраженныя, настоящими. И пустынно было все, и торжественно - безмолвно на землѣ

и на небѣ, какъ въ приготовленномъ къ брачному пиру и ожидающемъ гостей, чертогѣ жениха:

Все готово; приходите на брачный пиръ.

V.

И когда сѣлъ Онъ, приступили къ Нему ученики Его. Сидя, а не стоя, учитъ всегда, — въ тишинѣ, въ спокойствіи.

И открывъ уста Свои, училъ (Мт. 5, 1-2).

И поднявъ глаза Свои на учениковъ, говорилъ (Лк. 6, 20).

Молча сперва сидитъ, опустивъ глаза, и весь народъ, тоже молча, смотритъ на Него, ждетъ, чтобъ Онъ поднялъ глаза, открылъ уста. Небо и земля, и преисподняя ждутъ. Міру навѣки запомнились эти сомкнутыя въ молчаньи уста, опущенные глаза Господни.

Чтобы видѣть и слышать Сидящаго, все народное множество тоже сидитъ, вѣроятно, по склону горы, такъ что, глядя на Него снизу вверхъ, видитъ лицо Его въ небѣ, окруженное лучами восходящаго солнца, какъ славой Господней.

Проповѣдь “Нагорная”, — вѣрно поняло христіанство уже съ первыхъ вѣковъ: горнее слово, съ неба на землю сходящее, самое небесное изъ всѣхъ на землѣ сказанныхъ словъ.

Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное.

Блаженны плачущіе, ибо утѣшатся.

Блаженны кроткіе, ибо наслѣдуютъ землю.

Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо насытятся.

Блаженны милостивые, ибо помилованы будутъ.

Блаженны чистые сердцемъ, ибо узрятъ Бога.

Блаженны миротворцы, ибо наречены будутъ сынами Божьими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть царство небесное (Мт. 5, 3-10).

VI.

Музыки болѣе небесной, чѣмъ эта, никогда еще не было и, вѣроятно, никогда уже не будетъ на землѣ; съ этимъ каждый легко согласится, вѣрующіе и невѣрующіе одинаково, — всѣ кто обладаетъ, хотя бы въ малѣйшей мѣрѣ, тѣмъ, что можно бы назвать “музыкальнымъ слухомъ сердца”. Люди ко всему привыкаютъ, но къ этому, кажется, никогда не привыкнуть: сколько бы ни слушали, все вновь и вновь удивляются, какъ будто слышать въ первый разъ, и все не могутъ этимъ насытиться.

Въ медленно - глубокихъ гулахъ океана бьется великое сердце земли: такъ и въ этихъ “Блаженны, блаженны”, бьется сердце Божіе, и отвѣчаетъ ему сердце человѣческое: “истинно, истинно, такъ!”

“Лѣто Господне, блаженное”, наступило въ мірѣ. Гдѣ - то высоко надъ міромъ, должно быть, въ раю, Божья гроза пронеслась, и льется съ горы солнечный ливень Блаженствъ, водопадомъ громокипящимъ и опьяняющимъ.

Музыку Блаженствъ слышать всѣ, но того, что за нею, — величайшаго въ мірѣ, дѣла — спасенія міра, — почти никто, кромѣ святыхъ, уже или еще не слышитъ.

VII.

Блаженны богатые, имѣющіе, *beati possidentes*, — вотъ “дѣло” міра, то, на чемъ онъ стоитъ; “блаженны нищіе” (не “духомъ”, а просто “нищіе”, какъ вѣрно, кажется, понялъ Лука), — вотъ “бездѣлье” — то, отъ чего рушится міръ. Слуги Мамоновы — Марксовы (новый Мамонъ — “Капиталь”), — все равно, сегодняшніе ли, уже успѣвшіе награть, богачи-буржуи, или еще не успѣвшіе, завтрашніе богачи - пролетаріи, — могутъ, въ лучшемъ случаѣ, только плечами пожать и усмѣхнуться на эту беспомощно - дѣтскую мечту, а въ худшемъ, только - что дѣло дошло бы до ихъ шкуры, истребили бы блаженныхъ нищихъ, какъ злѣйшихъ враговъ сегодняшняго государства или завтрашней революціи.

Если же вѣрно понялъ Матѳей: “блаженны нищіе *духомъ*”, то для дѣтей міра сего это еще нелѣпѣе. “Духомъ богатые, мудрые,

---

блаженны”, — міръ и на этомъ стоитъ; “блаженны нищіе духомъ”, “слабоумные”, “безумные”, — и отъ этого рушится міръ.

Знаетъ ли это Господь? Знаетъ, конечно; потому и говоритъ:
(Мт. 18,3).

Если не о б р а т и т е с ь, не войдете въ царство небесное
Въ этомъ - то именно словъ: “обратитесь”, *στραφῆτε*,
“обернетесь”, “перевернетесь”, — ключъ ко всему въ Блаженствахъ.
Въ словъ Господнемъ, не вошедшемъ въ Евангеліе, “незапи-
санномъ”, *αγραπὸν*, — тотъ же ключъ:

Такъ сказалъ Господь въ тайнѣ: если вы не сдѣлаете
ваше правое лѣвымъ и ваше лѣвое правымъ, ваше верхнее
нижнимъ и ваше нижнее верхнимъ... то не войдете въ царство
Мое.

Dominus in mysterio dixerat: si non feceritis dextram sicut sinis-
tram et quae sursum sicut deorsum, non cognoscetis regnum Dei.

Это и значить: “въ царство Мое не войдете, Блаженствъ не
познаете, если не обратитесь, не перевернетесь, не опрокинетесь”.
Первое же слово Господне, сказанное міру: *μετανοείτε* “покайтесь”,
“опомнитесь”, значить: перемѣните всѣ ваши мысли, всѣ ваши
чувства, всю вашу волю; выйдите изъ этого міра, изъ трехъ измѣре-
ній, и войдите въ тотъ міръ, въ измѣреніе четвертое, гдѣ нижнее
становится верхнимъ и верхнее — нижнимъ, правое — лѣвымъ и
лѣвое — правымъ; гдѣ в с е н а о б о р о т ь. Только “перевер-
нувшись”, “опрокинувшись”, только “внизъ головой”, къ ужасу
всѣхъ, какъ будто твердо на ногахъ стоящихъ, “здравомыслящихъ”,
можно войти, влетѣть, упасть, изъ этого міра въ тотъ, изъ царства
человѣческаго въ царство Божіе, изъ печали земной въ блаженство
небесное.

VIII.

Царство Божіе есть опрокинутый міръ, —
скажетъ рабби Іозій Бенъ - Леви, іудейскій книжникъ, можетъ быть,
одинъ изъ тѣхъ, кто, по слову Господню, “недалекъ отъ царства
Божія” (Мт. 12, 34), — во всякомъ случаѣ, ближе къ нему всѣхъ ны-
нѣшнихъ — бывшихъ христіанъ. Міръ опрокинутый, перевернутый,

есть царство Божіе; это и значить: царству человѣческому обратно царство Божіе; тамъ все наоборотъ.

Будутъ послѣдніе первыми, и первые послѣдними (Мт. 20,16).

Что высоко у людей, то мерзость предъ Богомъ (Лк. 16,15).

Душу свою сберегшій потеряетъ ее, а потерявшій... сбережетъ (Мт. 10,39).

Въ самомъ языкѣ Иисуса, сотканномъ изъ такихъ антитезъ — кажущихся противорѣчій, дѣйствительныхъ противоположностей, — слышится какъ бы до - временная, въ вѣчности усвоенная, привычка; ладъ и строй души, нечеловѣческіе, — музыка, доносящаяся въ этотъ міръ изъ того, гдѣ все обратно - подобно этому, — все наоборотъ.

Горе богатымъ — блаженны нищіе; горе пресыщеннымъ — блаженны алчущіе; горе смѣющимся — блаженны плачущіе; горе любимымъ — блаженны ненавидимые: рядъ Блаженствъ — рядъ переворотовъ, полетовъ внизъ головой, радостно - ужасающихъ. Въ небѣ перевернутая, опрокинутая, какъ предметъ отраженный въ зеркалѣ водъ, всякая тяжесть земная становится легкостью, всякая печаль — блаженствомъ; и н а о б о р о т ъ : здѣшняя легкость становится нездѣшнею тяжестью, земное блаженство — небесной печалью.

IX.

Здѣсь еще, на землѣ, восторжествуетъ праведникъ, а злодѣй будетъ наказанъ. Царство Божіе есть пресвѣтленный, возвышенный, очищенный Богомъ, но все еще стоящій, какъ стоялъ всегда, непрокинутый міръ: въ это вѣрятъ Псалмы; Іовъ уже не вѣритъ:

Пыткъ невинныхъ посмѣивается (Богъ). — Въ руки нечестивыхъ отдана земля; лица судей земныхъ Богъ закрываетъ.

Если не Онъ, то кто же? (І о в ъ 9,23 - 24).

Видитъ и слѣпой — зрячій Эдипъ, что “лучше всего человѣку совсѣмъ не родиться, а родившись, умереть поскорѣй”.

Иисусъ — Іовъ - Эдипъ — обратный: больше ихъ страдаетъ и лучше ихъ знаетъ “власть тьмы”, царящую надъ міромъ; но знаетъ и то, чего не знаютъ они: зло для нихъ безконечно, а Онъ видитъ, что “близко, при дверяхъ”, Конецъ (Мк. 13, 29); міръ во злѣ стоитъ для нихъ, а для Него опрокинутъ; царства Божія не знаютъ они, а Онъ знаетъ, какъ никто никогда не зналъ, потому что Онъ самъ — Царь. Вотъ почему тѣ несчастны, а Онъ блаженъ.

Х.

Сынъ превращаетъ Отчій законъ въ свободу.

Слышали вы, что сказано древнимъ? А я говорю вамъ (Мт. 5, 21-22), —

по - арамейски: wa-na amar lekhn, — вотъ рычагъ, которымъ опрокидываетъ міръ Иисусъ. Сказано древнимъ въ законѣ, а Онъ говоритъ въ свободѣ. Добрыхъ Богъ награждаетъ, злыхъ казнить, въ законѣ, а въ свободѣ:

Солнцу Своему повелѣваетъ Отецъ вашъ небесный всходить надъ злыми и добрыми, и дождь посылаетъ на праведныхъ и неправедныхъ (Мт. 5,45).

Добрыхъ отъ злыхъ отдѣляетъ законъ; свобода соединяетъ ихъ. Только добрыхъ спасаетъ законъ; добрыхъ и злыхъ спасаетъ свобода.

Слуги царицы, посланные звать гостей на брачный пиръ, — выйдя на дороги, всѣхъ собрали, кого только нашли, и злыхъ, и добрыхъ; и наполнился брачный пиръ возлежащими.

Царь же, войдя посмотрѣть возлежащихъ, увидѣлъ тамъ человѣка въ одеждѣ небрачной...

И сказалъ царь слугамъ:... бросьте его во тьму внѣшнюю; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ.

Ибо много званыхъ, но мало избранныхъ (Мт. 22, 10-14).

Кто этотъ человѣкъ въ небрачной одеждѣ? Злой? Нѣтъ, злые съ добрыми здѣсь неразличимо смѣшаны. Кажется, “небрачный”,

---

значить: не “обратившійся”, не “перевернувшійся”, не перешедшій изъ этого міра въ тотъ, не “блаженный”, не “избранный”.

XI.

Выбралъ Онъ Себѣ въ Апостолы самыхъ грѣшныхъ людей, сверхъ всякой мѣры грѣха, — скажетъ Посланіе Варнавы, отъ временъ Мужей Апостольскихъ. Судя по тому, что самимъ Иисусомъ Іуда названъ будетъ “діаволомъ” (10. 6, 70), а Петръ — “сатаною” (Мк. 8, 33), такъ оно и есть. “Выбралъ Себѣ въ ученики негодяевъ отъявленныхъ”, — скажетъ Цельзъ, (II-ой вѣкъ), разумѣется, ничего не понимая и злобно преувеличивая, но спросить, кажется, съ искреннимъ недоумѣніемъ: “почему такое предпочтеніе грѣшниковъ?” Съ тѣмъ же недоумѣніемъ могли бы спросить объ этомъ всѣ, отъ Канта до Сократа, учителя “нравственности”.

Мытари и блудницы впереди васъ (праведниковъ) идутъ въ царство Божіе (Мт. 20,16), — скажетъ Господь. Мытари, *telonai*, по Талмуду, — “тѣ же разбойники”.

И къ злодѣямъ причтенъ (Мк. 15,28), — будетъ Самъ Иисусъ. Въ сонмѣ блудницъ и мытарей, Онъ — “злодѣй” среди злодѣевъ, “отверженный” среди отверженныхъ, “проклятый” среди проклятыхъ.

Этотъ народъ — невѣжда въ законѣ; проклять онъ (10. 7, 40),— скажутъ люди закона о всѣхъ идущихъ за Иисусомъ, “беззаконникомъ”. “Проклять темный народъ”, *am haarez*, — вотъ это - то “проклять” и будетъ Благословіемъ, Блаженствомъ, по закону “опрокинутаго міра”, — царства Божія.

XII.

Равенство въ законѣ — безличность; личность въ свободѣ — неравенство: будетъ и этимъ рычагомъ опрокинуть міръ.

Кто имѣеть, тому дано будетъ, и приумножится; а кто не имѣеть, у того отнимется и то, что имѣеть (Мт. 12,12), —

вотъ для мѣры силъ человѣческихъ невыносимая, возмутительная, душу переворачивающая несправедливость, неравенство, — какъ бы нарочно въ лицо всей человѣческой справедливости брошенный вызовъ.

Въ этомъ смыслѣ, не только вся Нагорная проповѣдь, все учене Христа, но и вся Его жизнь — не что иное, какъ опрокинутый законъ. Міръ будетъ спасенъ величайшимъ изъ всѣхъ злодѣяній — Богоубійствомъ Голгоѳскимъ: Крестъ — всѣхъ опрокинутыхъ законовъ, перевернутыхъ справедливостей вѣнецъ.

Сколько бы ни доказывалъ Кантъ, что христіанство есть “учене нравственное” прежде всего, — съ тѣмъ же, если не съ бѣльшимъ, правомъ, могутъ доказывать другіе, что христіанство “безнравственно”. Главное во всякой и въ собственной Кантовой этикѣ — “категорическій императивъ” долга, а въ Нагорной проповѣди тотъ же императивъ опрокинутъ. Нѣтъ, ужъ если говорить о нравственности, то всѣ религіи, отъ Моисеева Закона до Ислама, всѣ философіи, отъ Сократовой до Кантовой, подводятъ болѣе широкое и твердое, потому что болѣе общедоступное, въ мѣру человѣческихъ силъ осуществимое, основаніе подъ нравственность, нежели христіанство, съ его нечеловѣческой безмѣрностью, таинственной “превратностью”, — уходомъ изъ трехъ измѣреній въ четвертое, гдѣ “все наоборотъ”. Самое шаткое изъ всѣхъ равновѣсій, конусъ, поставленный на остріе, — вотъ что такое христіанство. Дорого обошлось оно людямъ, — не слишкомъ - ли дорого? Но, прежде, чѣмъ это рѣшать, надо бы подумать: можно ли было меньшей цѣной спасти погибающій міръ?

ХІІІ.

Дѣтскую игрушку, Ваньку - встаньку, напоминаетъ человѣкъ, съ тою лишь разницей, что у того человѣка, игрушечнаго, свинцовый грузъ — въ ногахъ, а у настоящаго — въ головѣ. Ваньку - встаньку нельзя опрокинуть, все подымается на ноги, а человѣка нельзя поднять, — все падаетъ, какъ палъ Адамъ, согрѣшивъ. Первородный грѣхъ и есть тотъ, къ низу тянущій обратнаго Ваньку - встаньку, свинцовый грузъ. Падшаго въ людяхъ Адама поднять не можетъ никакой законъ, никакой императивъ, никакая нравственность. Чтобъ

это сдѣлать, надо перемѣстить въ человѣкѣ центръ тяжести. Это и дѣлаетъ Нагорная проповѣдь.

Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ... но собирайте себѣ сокровища на небѣ...

Ибо, гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше (Мт. 6, 19-21).

Радуйтесь въ тотъ день и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесахъ (Лк. 6, 22-23).

Сердце человѣка — истинное сокровище, — тянущій грузъ, уже не свинцовый, а золотой, — перемѣстится, и обратный Ванька-встанька, падшій Адамъ, встанетъ на ноги. Если царство Божіе есть “опрокинутый міръ”, то и обратно, міръ есть опрокинутое царство Божіе. Снова опрокинуть разъ уже опрокинутое, перевернуть перевернутое, — это и значитъ: возстановить, выпрямить, поднять падшій, оживить мертвый, спасти погибающій міръ.

Это безконечно просто, и не трудно, а невозможно людямъ, кромѣ одного Человѣка — Иисуса; этого не только никогда никто не дѣлалъ, но никому не приходило и въ голову, что это вообще можно сдѣлать.

XIV.

Горе наше въ томъ, что, за двѣ тысячи лѣтъ, мы такъ привыкли къ словамъ Его (какъ будто можно къ нимъ привыкнуть, если только услышать ихъ разъ), что уже оглохли, ослѣпли къ нимъ окончательно; твердимъ ихъ, какъ таблицу умноженія, бессмысленно. Но, еслибы мы могли чуть - чуть отвыкнуть отъ нихъ и вдругъ услышать ихъ такъ, какъ будто они сказаны не за двѣ тысячи лѣтъ, а вчера - сегодня, то, можетъ быть, мы удивились бы, ужаснулись; поняли бы вдругъ, что это самыя неимовѣрныя, невыносимыя, невозможныя для насъ, “безумныя”, какъ дважды два пять, самыя нечеловѣческія изъ всѣхъ человѣческихъ словъ. И всего неимовѣрнѣе, можетъ быть, то, что Онъ говоритъ ихъ такъ просто. Въ каждомъ словѣ Его, опрокинуть міръ, съ такою же бездонно - тихою ясностью, какъ въ совершенно - гладкомъ зеркалѣ водъ — отраженные въ нихъ берега. Самое тяжкое, темное, страшное для насъ, Онъ говоритъ, какъ самое простое, ясное, легкое. “Кто потеряетъ душу свою, тотъ сбережетъ

ее". Многие, можетъ быть, и до Него это предчувствовали, какъ блаженно - ужасающую тайну, но Онъ первый это сказалъ такъ, какъ всѣмъ понятную и очевидную истину, какъ дважды два четыре, но въ мірѣ не трехъ, а четырехъ измѣреній. Въ томъ - то именно и главная особенность Его, что глубочайшее и сокровеннѣйшее, опрокидывающее міръ съ неодолимою силою, говоритъ Онъ такъ просто, легко и естественно, какъ будто не можетъ быть иначе, и это всѣмъ извѣстно, а Онъ только напоминаетъ забытое, открываетъ то, что у всѣхъ людей въ душѣ.

Если кто приходитъ ко Мнѣ и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, а притомъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ (Лк. 14,26), —

эти, раздирающія наше сердце, слова Онъ говоритъ такъ тихо и ласково, какъ и мать не говоритъ съ ребенкомъ. Но мы должны помнить какъ все это неимоვნно, неслыханно, перевернуто, обратно или даже "превратно": да, лучше это считать губительно-превратнымъ, "демоническимъ", чѣмъ къ этому привыкнуть, какъ мы привыкли. Тѣ, кто ненавидитъ Его, ближе къ Нему и правѣ тѣхъ, кто лишь терпитъ Его и считаетъ Нагорную проповѣдь "отчасти полезною", — "ученіемъ нравственнымъ прежде всего".

XV.

"Кто не возненавидитъ отца своего и матери"... Хочется, не дослушавъ бѣжать отъ страха, но, можетъ быть, потому именно, что не дослушалъ. Если это кажется "возмутительнымъ", "противоестественнымъ", то, можетъ быть, потому, что принято, какъ новая заповѣдь, законъ, повелѣніе: "возненавидь". Но вѣдь это вовсе не такъ. Вѣрно-понятныя слова Его страшно о с в о б о ж д а ю т ъ насъ, а не порабащаютъ; ставятъ передъ нами цѣли, задачи, а не законы. Требуется ли Онъ чегонибудь, повелѣваетъ - ли, принуждаетъ - ли? Нѣтъ, только сообщаетъ опытъ, непреложно - ясный, хотя и не нашему, а иному, какъ будто опрокинутому, а на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, восстановленному, здравому смыслу, гдѣ все наоборотъ нашему смыслу - мнимо - здравому, больному, искаженному.

Столь непонятное, страшное для насъ, въ Его не испытанной нами любви, небесно - земной, а г а р ё , становится простымъ, легкимъ и радостнымъ въ нашей любви, только земной — эросъ. “Любви врага твоего”. Если въ плотской любви одинъ любить, а другой ненавидитъ, то любящій любить и врага, и это такъ естественно, что ему не надо говорить: “любви”. — “И оставить челоуѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей” (Мт. 5), — столь же естественно.

Нѣтъ, вовсе не говорить Онъ: “оставь”, “возненавидь”; Онъ только говоритъ: “возненавидишь”, “оставишь”. Во все ничего, для Себя отъ челоуѣка не требуетъ, а только соблазняетъ его, плѣняетъ Собой, влюбляетъ въ Себя; не повелѣваетъ ничего, а лишь открываетъ, что было, есть и будетъ въ челоуѣкѣ, или можетъ быть всегда, — скрытое въ немъ и всегда готовое открыться — Блаженство.

XVI.

Съ Богомъ былъ Иисусъ, какъ никто изъ людей, и, если быть съ Богомъ, значитъ блаженствовать, то Онъ, какъ никто изъ людей, былъ блаженъ. Только что новый Адамъ вышелъ изъ рая, и раемъ пахнетъ еще отъ Него. Души челоуѣческія, всѣ одинаково, злыя и добрыя, помнятъ этотъ райскій запахъ и летятъ на него, какъ пчелы на запахъ цвѣтовъ: тянутся къ Иисусу неудержимо, какъ компасныя стрѣлки — къ магнитному сѣверу. Всѣхъ увлечетъ Онъ на мигъ въ блаженство Свое: этотъ-то мигъ — вѣчность и есть Царство Божіе.

Первый Адамъ и послѣдній — одинъ и тотъ же. Весь тонъ исторіи — времени — какъ бы сонъ Адама въ раю, гдѣ съ древа жизни вкушаемые плоды — Блаженства.

Память о раѣ — Блаженствахъ — есть у всѣхъ людей въ душѣ, а Сынъ Челоуѣческій — только превый проснувшійся, вспомнившій Адамъ.

Отче! Ты возлюбилъ Меня прежде основанія міра.

(Іо, 17, 24-25), —

вотъ религіозный опытъ Иисуса, нами не сдѣланный, невозможный для насъ. Тутъ кончается вся наша земная Евклидова геометрія; тутъ мы — “комнатныя собачки”, подбирающія крохи подъ сто-

---

ломъ (Мш., 15, 27); но и у крохъ тотъ же вкусъ, какъ у хлѣба на столѣ — плода съ дерева жизни. Опыта Блаженствъ нѣтъ у насъ, и мы почти ничего не знаемъ о нихъ; но глядя въ лицо Его, слыша голосъ Его, не можемъ не чувствовать, что это и для насъ возможно, по крайней мѣрѣ, желанно. Кто понялъ Блаженства, тотъ принялъ ихъ, потому что сердцу человѣческому этого нельзя не желать.

Ваши же очи блаженны, что видятъ, и уши ваши, что слышатъ, (Мш., 13, 16).

Всѣ Блаженства въ томъ и заключаются, чтобы это видѣть и слышать, — знать, что э т о е с т ь .

XVII.

Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный (Мш., 5, 48).

Ясно, или кажется яснымъ, что этого не только исполнить, но и помыслить человѣку нельзя. Зачѣмъ же Онъ этого требуетъ, или къ этому зоветъ, манитъ? Зачѣмъ объ этомъ говорить, какъ о самомъ простомъ, очевидномъ и даже какъ будто легкомъ: “бремя Мое легко”? Кто возлагалъ на людей болѣе тяжелое бремя?

Но вотъ что удивительно: сердце наше, внимая словамъ Его, все таки знаетъ — вспоминаетъ, что тяжесть эта можетъ вдругъ сдѣлаться легкостью.

И вѣрится, и плачется

И такъ легко, легко...

Каждый изъ насъ, внимая Блаженствомъ, вспоминаетъ или могъ бы вспомнить, если бы такъ страшно не забылъ, свой дѣтскій, райскій сонъ, то, что своими ушами слышалъ, своими глазами видѣлъ на горѣ Блаженствъ.